

12 В.И. ИОХЕЛЬСОН КАК ЭТНОГРАФ – ЕГО ЖИЗНЬ И ТРУД В СВЕТЕ НОВЫХ ИСТОЧНИКОВ

Эрих Кастен

Фундаментом того редкого этнологического подхода, который был характерен для В.И. Иохельсона, начиная с Сибиряковской экспедиции, стали не только учеба в религиозной еврейской школе, но и, по-видимому, его обучение в Швейцарии в 1880–1884 гг. у представителей немецкоязычной научной традиции в духе братьев Александра и Вильгельма фон Гумбольдт. Их мировоззрение, в свою очередь, формировалось учеными предшествующего поколения с их пристальным интересом к культурам других народов. К этой традиции относятся, например, труды Георга В. Стеллера, который неоднократно выражал свое сочувствие к ительменам из-за того, как жестоко с ними поступали русские колониальные власти¹. Кроме того, общественно-политическая активность Иохельсона была обусловлена его революционной деятельностью в 1870-е и ранние 1880-е гг. и знакомством с немецкой социал-демократией, связанной с Карлом Каутским.

На этот фундамент, выстроенный по чертежам западной просветительской и общественно-политической традиции, легли научные знания Иохельсона, поначалу фрагментарные². В Сибиряковской экспедиции Иохельсон продолжал самообразование, читал литературу. Уже в то время его взгляды содержали подходы, которые позже станут центральными для западной социальной и культурной антропологии XX в. Сюда относятся его постоянная рефлексия своих взглядов, подходов и методов работы в поле, его метод *participant observation* (включенное наблюдение), который отчасти практиковал уже Г.В. Стеллер и которое в случае Иохельсона также был скорее вынужденным, чем сознательным – позднее оно было возведено Малиновским в ранг основного этнологического метода³.

¹ *Kasten E.* Georg Wilhelm Steller: Scientist, Humanist, and Most Significant Ethnographer for the Itelmens of Kamchatka // *Writing the Arctic. German Representations of the Far North in the 18th and 19th century* / Edited by J. Borm and J. Kodzik. Cambridge, 2020.

² Я благодарю следующих коллег за их ценные комментарии и дискуссии: Н. Вахтин, Х. Вермеилен, Д. Далманн, С. Дудек, М. Дюрр, С. Кан, И. Крупник, Е. Таммиксаар, П. Швайцер и Б. Шишло.

³ *Malinowski B.* Argonauts of the Western Pacific. An Account of Native Enterprise and Adventure in the Archipelagoes of Melanesian New Guinea. New York, 1922.

Уже во время Сибиряковской экспедиции и Иохельсон, и Богораз осознали значение сбора и изучения текстов на языках коренных народов, которые были ими опубликованы в начале XX века⁴. Вероятно, это было связано не столько со знанием Иохельсоном романтической традиции, которая была широко распространена в то время и исходила от братьев Гримм, сколько с его интересом, как и у других ссыльных народников, к русской народной культуре и фольклору⁵. Изначально он придерживался этого подхода независимо от Франца Боаса, для которого анализ записанных текстов на языках коренных народов стал одним из основополагающих этнологических методов⁶.

Озабоченность тяжелыми условиями жизни коренных жителей, которую Иохельсон многократно отмечал в своих публикациях, стала впоследствии руководящим принципом *action anthropology*, *advocacy anthropology* или *applied anthropology* (активная / юридическая / прикладная антропология)⁷. Он ясно осознавал важность вклада своих информантов из числа коренных народов в успех полевой работы и предвосхитил то, что мы сегодня знаем как модель совместного производства знаний (*co-production of knowledge*) профессиональных антропологов и исследователей из числа коренных народов⁸. Некоторые стороны этого подхода однако, были утеряны в более поздней научной работе Иохельсона под руководством Боаса. Кроме того, чем старше становился Иохельсон, тем, видимо, больше у него портился характер и тем ревнивее он относился к «приоритету», деньгам и авторству – что видно по его письмам⁹.

В целом, можно сказать, что комплексность и гетерогенность творчества Иохельсона предполагает более глубокие транснациональные корни и ориен-

⁴ *Иохельсон В.И.* Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. СПб., 1900.

⁵ Я благодарю Игоря Крупника за эту оценку, которую я также считаю достоверной.

⁶ *Dürr M.* Die Suche nach ‚Authentizität‘: Texte und Sprachen bei Franz Boas // Franz Boas. *Ethnologe, Anthropologe, Sprachwissenschaftler. Ein Wegbereiter der modernen Wissenschaft vom Menschen* // М. Dürr, E. Kasten, E. Renner (Hg.). Wiesbaden, 1992. S. 103, 104.

⁷ *Tax S.* Contributions to Social Anthropology of North American tribes // Edited by Fred Eggan. Chicago, 1937.

⁸ *Lavrillier A., Gabyshev S.* An Arctic Indigenous Knowledge System of Landscape, Climate, and Human Interactions. Evenki Reindeer Herders and Hunters. Fürstenberg/Havel, 2017; *Krupnik I.I., Bogoslovskaya L.S.* “Our Ice, Snow and Winds”: From Knowledge Integration to Co-production in the Russian SIKU Project, 2007–2013 // *Oral History Meets Linguistics* / Edited by E. Kasten, K. Roller, J. Wilbur, 65–82. Fürstenberg/Havel, 2017; *Kasten E.* Fieldwork on Kamchatka Peninsula and Creation of the Foundation for Siberian Cultures: Towards an Open Access Database of Indigenous Languages and Knowledge from the Russian Far East // *Library and Information Studies for Arctic Social Sciences and Humanities* / Edited by S. Acadia and M.T. Fjeelestad, 329–352. London, 2020.

⁹ Из анализа его переписки, ср. *Вахтин Н.Б.* «Наука и жизнь»: Судьба Владимира Иохельсона (По материалам его переписки 1897. 1934 гг. // Бюллетень: антропология, меньшинства, мультикультурализм. Краснодар, 2004. Вып. 5.

тации¹⁰ (более подробно об этом говорится ниже), если сравнить его ранние немецкоязычные, последующие русскоязычные и еще более поздние крупные англоязычные труды, написанные в стиле американской культурной антропологии. Однако это были не просто переводы, а – как видно прежде всего из его немецкоязычных и англоязычных публикаций – различные способы научной обработки и представления одного и того же материала. Иначе говоря, его публикации отражают процессы его собственного развития, из которых только одна фаза носит «русский» характер.

Вопрос о том, в какой степени Иохельсон мог видеть себя «русским» исследователем, как его часто сегодня видят, в конце концов, мог быть решен только им самим. По крайней мере, весь ход его жизни говорит о том, что, возможно, у него было мало поводов для русского патриотизма. После ссылки в Сибирь за сопротивление царскому режиму тень тайной полиции преследовала его всю жизнь. Он был разочарован исходом революции, а после потрясений гражданской войны он предпочел эмигрировать в США. Там он думал о возвращении в Россию, но в конце концов отказался от этого плана¹¹.

Поводом для переоценки поднятых здесь вопросов являются письма¹² и дневники Иохельсона, которые только недавно стали доступны (А. Сирина, С. Макаров, в этом томе), его ранние работы на немецком языке (см. Kasten 2017), а также подробное биографическое исследование его молодых лет (Винтершладен, в этом томе). Это неизбежно привлекает внимание к его «годам формирования» как человека и ученого и тому, какое значение они могли иметь для его дальнейшей этнологической работы.

Иохельсон вырос в Вильнюсе в Литве, который в то время был по составу населения польским городом и не имел ни генетической, ни культурной связи с балтийскими воеводствами России¹³. Его родным языком, по-видимому, был литовский идиш – диалект, известный как северо-восточный идиш. Хотя, по мнению Игоря Крупника¹⁴, традиционное еврейское религиозное воспитание, и в целом ортодоксальное литовское еврейство, были глубоко антагонистичны к модернизации и всему немецкому, а сильная привязанность к немецкому языку сохранялась в отношении к нему как «культурному» языку по сравнению с идишем.

¹⁰ Schweitzer P.P. Naturforscher, Weltreisende und nationale Forschungstraditionen: Bemerkungen zur ethnologischen Erforschung Sibiriens im 18. und 19. Jahrhundert // Reisen an den Rand des Russischen Reiches: Die wissenschaftliche Erschließung der nordpazifischen Küstengebiete im 18. und 19. Jahrhundert / E. Kasten (Hg.), S. 11–28. Fürstenberg/Havel, 2013.

¹¹ Вахтин Н.Б. Наука и жизнь... С. 45.

¹² Сирина А.А., Шинковой А.И. Неизвестное наследие Сибиряковской (Якутской) экспедиции (1894–96гг.): письма В.И. Иохельсона во ВСОИРГО // Расы и народы. Вып. 33. М., 2007. С. 331–368.

¹³ Таммиксаар Е., личное сообщение.

¹⁴ Крупник И., личное сообщение.

Русский язык Иохельсон выучил уже в сознательном возрасте, с репетитором, и употреблял его наряду с немецким и английским языками в своих научных публикациях. Его образование в ортодоксальной еврейской религиозной школе (хедер), возможно, также оказало на него влияние и другим образом – а именно, через раннее знакомство с текстовой экзегезой в рамках углубленного изучения Талмуда¹⁵. Это могло бы объяснить, среди прочего, его более поздний интерес к работе с текстами (см. выше).

По мнению Крупника, настоящая подготовка Иохельсона к полевой работе началась только после прочтения русской этнографической литературы, имевшейся у него в Якутии. В этом контексте Петер Швайцер¹⁶ ставит вопрос о том, существовала ли в этнологии в то время вообще «истинно-русская традиция», и указывает на зарубежный опыт Анучина, Ковалевского, Кропоткина, Миклухо-Маклая и других. Стоит также упомянуть Фридриха Вильгельма Радлова, который после учебы в университете Гумбольдта в Берлине переселился в Санкт-Петербург, где, несмотря на смену имени на Василий Васильевич Радлов, безусловно, остался верен немецкой исследовательской традиции, в которой он обучался.

Поэтому мне кажется уместным подчеркнуть то, что в значительной степени определило уникальный методологический подход Иохельсона – это, по-видимому, был опыт, укоренившийся в его ранних «формирующих» этапах жизни. За это время и до своего приезда в Сибирь он приобрел такие подходы, как эмпатия, сочувствие, скептицизм и критика власти, а также сочувственное понимание других людей и порой опасных ситуаций, в которых они жили – в то время как значение знаний, полученных позже из русских сочинений, кажется вторичным. Поэтому его человеческий характер, который уже укрепился к тому времени, когда он познакомился с этими работами, был, вероятно, определяющим для его более поздних научных работ.

Дальнейшее знакомство с западноевропейскими научными традициями Иохельсон получил после возвращения из экспедиции Сибирякова в 1898 году, когда он окончил университет в Швейцарии и познакомился со своей будущей женой Диной Бродской, которая там изучала медицину. Она сопровождала Иохельсона в его последующих экспедициях, и ее вклад нашел отражение в его публикациях. Остаётся неясным, какое влияние она оказала на последующие направления работы Иохельсона. Ибо, по-видимому, бесчисленные разговоры о западной науке и обществе, которые они вели в то время, конечно же, не документированы, в отличие от того, что сохранилось в письмах.

¹⁵ Слободин С.Б. Выдающийся исследователь северных народов (к 150-летию со дня рождения Иохельсона) // Этнографическое обозрение. 2005. №5. С. 96.

¹⁶ Швайцер Р., личное сообщение.

Поскольку это – эпилог с более широкой точки зрения, краткое личное отступление кажется допустимым и уместным. Поскольку каждый исследователь всегда интерпретирует факты субъективно, на основе своего индивидуального жизненного опыта, акценты, которые я сделал, вероятно, могут быть лучше поняты.

В начале моего исследовательского пути, во время пребывания в течение нескольких лет у саамов и у коренных народов (First Nations) в Канаде я познакомился с движением за самоуправление (*Self-government*). В то же время, совместные проекты сформировали у меня потребность поделиться результатами исследований (*sharing/giving back*) в отношении местных сообществ, с которыми я работал. В начале 1990-х годов вместе со своими студентами в Свободном университете, в том числе Стефаном Дудеком, Отто Хабеком, Михаэлем Рисслером и Аймаром Венцелем, я продолжал развивать эти методологические концепции. С тех пор основное внимание уделяется совместному производству знаний (*co-production of knowledge*) с партнерами из числа коренных народов в сочетании с общим скептицизмом в отношении любого рода «национального присвоения» культур и исследований коренных народов.

На основе методологического подхода, сформировавшегося и закрепившегося в мои «годы становления», я начал полевые исследования на Дальнем Востоке России в 1993 году, где, как и Иохельсон во время своего пребывания в Сибири, уделял много времени чтению русской этнологической литературы. Хотя соответствующие условия полевых исследований, конечно, были совершенно иными, это означает, что в обоих случаях методологические и концептуальные основы для последующих полевых исследований были заложены на основе предшествующего жизненного опыта. В моем случае они были основаны, как и у Иохельсона, на знакомстве с международными общественно-политическими движениями и научными традициями, ранее освоенными за пределами России.

До середины и даже до конца XIX века исследователи Сибири работали в основном в различных формах международного сотрудничества; Иохельсон, по-видимому, был одним из последних выдающихся представителей этой традиции. Парадоксальным образом, по мнению Сергея Кана, Иохельсон не был ни западноевропейским, ни американским, ни русским ученым – но мог быть включен в каждую из этих категорий одновременно, как и многие ученые того времени¹⁷.

Этих исследователей – тем более ссыльных! – трудно обвинить в работе на национальные или имперские интересы соответствующих правительств: они, напротив, часто создавали им моральный и гуманистический противовес, осо-

17 Кан С., личное сообщение.

бенно когда дело касалось отношений с местными жителями¹⁸. Очевидно, что и здесь Иохельсон находится на рубеже времен в своих этнологических исследованиях в Сибири. Точно так же, как в XX в. некоторые западные социальные антропологи часто служили национальным интересам колониальных властей и тоталитарных режимов¹⁹, независимые этнологические исследования в Сибири в советское время было невозможно проводить, если не принимать слепо идеологические ориентиры властей²⁰. Однако в 1990-х годах многие проекты в России возродили традиции международных исследований досоветской эпохи²¹. Сегодня, однако, иногда слышны и национальные подтексты в России, которые можно было почувствовать, особенно во времена перестройки, и с западной стороны.

Однако новое поколение молодых этнологов, получивших образование на Западе, подобно Иохельсону, в течение многих лет проводит полевые работы в Сибири с местными партнерами на постоянной основе, а иногда и живут в России, точно так же, как многие российские исследователи являются частью международных сетей. Это дает надежду на широкие и сбалансированные взгляды и на преодоление национализма, который время от времени поднимает голову также и в научных исследованиях, и, таким образом, надежду на продолжение прежних общих традиций.

¹⁸ Kasten E. Der Deutsche Beitrag zur Erforschung und zum Erhalt indigener Kulturen in Sibirien in Vergangenheit und Gegenwart // Festvortrag zum 25-jährigen Jubiläum des Generalkonsulats der Bundesrepublik Deutschland in Novosibirsk am 10. Dezember 2019. <https://bolt-dev.dh-north.org/files/dhn-pdf/kasten2019.pdf>. S. 8.

¹⁹ Lentz C. Deutsche Ethnologen im Nationalsozialismus und in der Nachkriegszeit: Hermann Baumann und Wilhelm Emil Mühlmann // Arbeitspapiere des Instituts für Ethnologie und Afrikastudien der Johannes Gutenberg-Universität Mainz / Working Papers of the Department of Anthropology and African Studies of the Johannes Gutenberg University Mainz 192, 2020.

²⁰ Репрессированные этнографы / Сост. и отв. ред. Д.Д. Тумаркин. М., 1999. Вып. 1; 2003. Вып. 2.

²¹ People and the Land. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia // Edited by E. Kasten. Berlin, 2002; Properties of Culture – Culture as Property. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia. Edited by E. Kasten. Berlin, 2004; Rebuilding Identities. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia. Edited by E. Kasten. Berlin, 2005.

